

15.

Лит. 2013 - 1993. - 15 сент (237) - 23

В феврале, когда мы со Светланой Алексиевич вели диалог («ЛГ», № 8), в минском суде имелось два иска — от полуслепого инвалида-афганца и от матери погибшего офицера. Узнав, что заведено дело, которое может вылиться в политическую расправу над автором «Цинковых мальчиков», читатели «ЛГ», потрясенные тем, что сегодня такое возможно, что обретает плоть не канувшая, как оказалось, в Лету тень судилищ сталинских, брежневских времен, печально знаменитых процессов над И. Вродским, А. Синявским и Ю. Даниэлем, над без вины виноватыми книгами, звонили, писали в редакцию, выражая признанию Светлане Алексиевич за честную, бесстрашную работу.

«Думается, что скандал, разжигаемый вокруг книги «Цинковые мальчики» через несколько лет после выхода ее в свет, натравливание на автора жертв афганской трагедии — это попытка использовать их определенными политическими силами для возрождения уходящих из сознания общества милитаристских и имперских идей» — с таким письмом обратились тогда в суд писатели научные работники, представители творческих организаций России (несколько страниц подписей). О своем протесте заявили белорусский и русский ПЕН-центры. Открытое письмо С. Шушкевичу направили В. Букварский, И. Герашенко, И. Ратушинская и М. Рогачий. «Мы выражаем вам, — писали они Председателю Верховного Совета Беларуси, — свое возмущение открытой деятельностью коммунистической инквизиции в вашей республике. Мы протестуем против нарушения прав человека в Беларуси и требуем немедленного прекращения всякого рода преследований Светланы Алексиевич и судебного процесса над ней и ее книгой».

Все это происходило зимой, ранней весной. Светлана Алексиевич за эти месяцы опубликовала новое документальное повествование «Зачарованные смер-

тью», занялась книгой о Чернобыле. И вдруг весть из Минска: на 14 сентября назначено судебное заседание.

— Светлана, я думала, что судебная нервотрепка отодвинулась или вообще канула в тартарары, ведь, по слухам, оба иска взяты назад. Так что же снова произошло?

— Война с книгой не прекращалась все это время, идет она и сегодня. В белорусской прессе появились десятки «разоблачительных», гневных статей. Возглавил поход генерал Н. Чергинец. Особенно неприятно, что расправились с журналистом А. Александровичем (он остался без работы), который посмел возразить генералу.

Назначили заседание суда на 28 июля, а меня в известность не поставили. Я узнала о предстоящем действе от журналистов газеты «Лтаратура і мастацтва». Делалось это для того, чтобы я не успела заранее пригласить корреспондентов. Инвалид-афганец на суд не явился. Мать погибшего офицера забрала заявление. Но тут разыгралась новая ситуация. И. С. Головнева, сын которой, младший лейтенант, тоже погиб, подала иск на меня и на «Комсомольскую правду», опубликовавшую четыре года назад кусок из книги «Вольная интерпретация моих высказываний, а также явные домыслы, изложенные от моего имени», считает И. С. Головнева, — порочат мою честь и достоинство, тем более что повесть документальная».

— Что же это она спохватилась через четыре года?

— Ее, уверена, подтолкнули.

— Ну да, раз те двое вышли из игры, нужна замена.

— Конечно. Вот Тарас Кецмур тоже подал иск, сообщая, что он вообще не встречался с автором и ничего не рассказывает. Выяснилось, что этот иск не имеет его подписи, отпечатан на той же машинке, что и заявление Головневой.

Молитва о «ЦИНКОВЫХ МАЛЬЧИКАХ»

Госпошлина за него тоже уплачена ею... На вопрос адвоката: как вы могли принять такую бумагу, судья ответила, что хотела встретиться с Кецмуром, но заболела, и иск был принят к делу без нее. Меж тем существует документальная лента С. Луньянчикова «Боль», и там Тарас пронзительно добрую половину того «монолога», который воспроизведен мной. Кроме того, раньше в газете «Знамя юности» он говорил, что рассказывал мне об Афгане, но я не так его поняла и искалбала рассказ.

— Светлана, но я хорошо помню, что, когда мы беседовали с тобой после первых газетных публикаций «монологов» (рукопись «Цинковых мальчиков» еще только сдавалась в «Дружбу народов»), ты сказала, и это было напечатано в «ЛГ» (№ 13, 1990 год): «Пусть простят меня мои герои, представленные в первых публикациях «монологов», — Володя Ероховец, Наташа Орлова, Тарас Кецмур... за то, что, назвав их имена, вынудила как бы платить за всех». И в книге ведь «монологи» уже безымянные.

— Идет кампания дезавуирования «Цинковых мальчиков». Надо их скомпрометировать, на моем примере устроить других, и меня, конечно, тоже, заставить трепетать, вывести из рабочего состояния, скрутить мне руни. Известно же, что следующая моя вещь о Чернобыле, — но есть масса людей, которым эта трагическая правда не нужна. За несколько дней до нынешнего суда в газете «Республика» журналист И. Осинский, который представляет в Берлине белорусскую прессу, опубликовал статью «Бронзовая девочка», похожую скорее на донос КГБ: в течение нескольких лет он отслеживал мои выступления в Германии и теперь обвиняет меня в том,

что я предаю интересы родины. Статья специально появилась накануне суда, чтобы сформировать общественное мнение, она — как сигнал к расправе.

— Да, кому-то, видно, очень хочется, чтобы ты не выдержала, сломалась, чтобы лопнули нервы, разорвалось сердце. Я и сейчас слышу, как ты мне говорила, когда работала над «монологами»: «Не думала, что буду еще писать о войне. Когда окончила «У войны не женское лицо», долго не могла видеть, как от обыкновенного ушиба из носа ребенка идет кровь... Наверное, у каждого из нас есть запас защиты от боли — физической и психологической. Мой был исчерпан до конца». Может, ты не пойдешь на этот суд? Что ты скажешь там?

— Я пойду, обязательно пойду. Попытаюсь сохранить хладнокровие и не уступить обыкновенной человеческой обиде. И не поддаюсь политической злобе дня.

Признаюсь, я не хотела судебного процесса: не могу больше видеть ожесточенные лица людей ни на экране телевизора, ни на улице, ни в суде. Сколько можно смотреть и убеждаться в одном и том же: мы умеем только воевать друг с другом и ненавидеть. Мирные способы жизни неприемлемы, они нам мало известны. Мы выросли как бы: на войне, да не те, что родился через несколько десятилетий после нее. Так много написано книг о войне, так много изготовлено человеческими же руками и умом оружия, что мысль об убийстве стала нормальной. С тайным восторгом несем мы героев на кладбище и ставим на их могилах памятники, а не часовни. И вот на этот наш главный миф я замахнулась. И этого мне не могут простить ни матери, чьи дети погибли, ни генералы, которые послали детей на гибель.

Но я должна сказать без всяких оговорок: я ненавижу войну и саму мысль о том, что один человек имеет право на жизнь другого человека. Все мои книги — об этом, я всю жизнь об этом пишу и буду писать. Недавно один священник мне рассказал, как фронтовики Великой Отечественной, уже старый, принес в церковь свои награды. «Да, я убивал фашистов, — сказал он, — защищал родину, но перед смертью я все равно хочу понаяться за то, что убивал». И оставил свои награды в церкви, а не в музее...

И какие бы слова обид и проклятий я сегодня ни слышала от матерей, я хочу сказать, что преклоняюсь перед ними. Их детей использовало в преступных целях государство. Вернуло им цинковые гробы. Бросило на произвол судьбы вернувшихся калеки, рушой и телом. Бросило и их матерей. Они никому сегодня не нужны. Все хотят забыть Афганистан. А матери — последние защитники своих сыновей. Ни государство, ни генералы не защищают мальчиков, они защищают их сами. Но они защищают их не от того, от кого надо было бы защищать. Когда-то, пять лет назад, мы думали одинаково. Я, и матери, и солдаты, вернувшиеся с чужой афганской земли. Сегодня мы сидим друг против друга в суде.

В моей книге материнские рассказы — самые печальные страницы: матери молятся о сыновьях. Почему же сегодня мы сидим друг против друга? Почему опять матери и вернувшиеся солдаты дали себя обмануть тем, кто их уже раз обманул? Генералы приезжали с войны с большими чмодами, звездами героев, а матерям шли цинковые гробы. И как рассказывала мне одна мать, ей привезли гроб и маленький сарганж, в котором

были зубная щетка и плавки сына. Сколько же люди могут быть слепы?!

Что я должна отстаивать? Свое право видеть мир таким, как я его вижу, или доказывать, что есть правда и правдоподобие, что документ в искусстве — это не справка из военкомата. Что книги, которые я пишу, это особого рода проза. Это документ и в то же время мой образ времени. Я собираю детали не только из отдельной человеческой жизни, но и из всего воздуха времени, среды пространства.

Почему герои моей книги не подали в суд несколько лет назад? Почему это произошло сейчас? Ведь многие матери мне звонили и плакали, когда вышли эти рассказы. Я думаю, что сегодня они вовлечены в политическую борьбу. За их спинами я вижу генеральские погоны. Я знаю, что те люди, которые стоят за ними, откупились от них медалями и сказками о героизме. А на самом деле они не хотят, чтобы страна узнала, как умирали ребята. Не хватало лекадств, его продавали в дуканы, их кормили консервами 50-х годов, их даже хоронили в старом, сплансано обмундировании времен Великой Отечественной войны.

Недаром говорят, что молитва матери и со дна моря достанет. Я сделала все. Чтобы молитва матери достала этих ребят из небытия. Никто не смеет бросить в них камень. Мы все повинны в том, что случилось. Они — как жертвы на алтаре нашего прозрения. Они не герои, а мученики. И надо молиться за мальчиков, а не за идею-убийцу.

Я хочу сказать матерям, что не мальчиков своих они защищают, они защищают идею-убийцу. Светлана говорила, а у меня перед глазами был Съезд народных депутатов СССР, Андрей Дмитриевич Сахаров, говоривший с трибуны об Афгане, и несущийся ему в ответ шквал ненависти злобствующего зала. Все возвращается на круги своя?

Ирина РИШИНА